

Владимир НУЗОВ

Рассказывают такой анекдот. 30-годы. В вагоне поезда едет старик. Один из его попутчиков листает «Огонек», читает: «Главный редактор Михаил Кольцов». Старик гордо заявляет: «Это мой сын!». Едут дальше. Кто-то смотрит «Известия», хвалит карикатуры Бориса Ефимова. «И это мой сын», — гордится старик. После чего, говорят, его чуть не побили.

Михаил Ефимович Кольцов и Борис Ефимович Ефимов на самом деле — родные братья. Обоих природа наделила замечательным талантом, но судьба была милостива лишь к младшему брату. Он ровесник века, и слава Богу, жив и здоров. А Михаилу Кольцову в июне исполнилось бы 100. «А мог бы жизнь просвистеть скворцом, заесть ореховым пирогом...» Мог бы?..

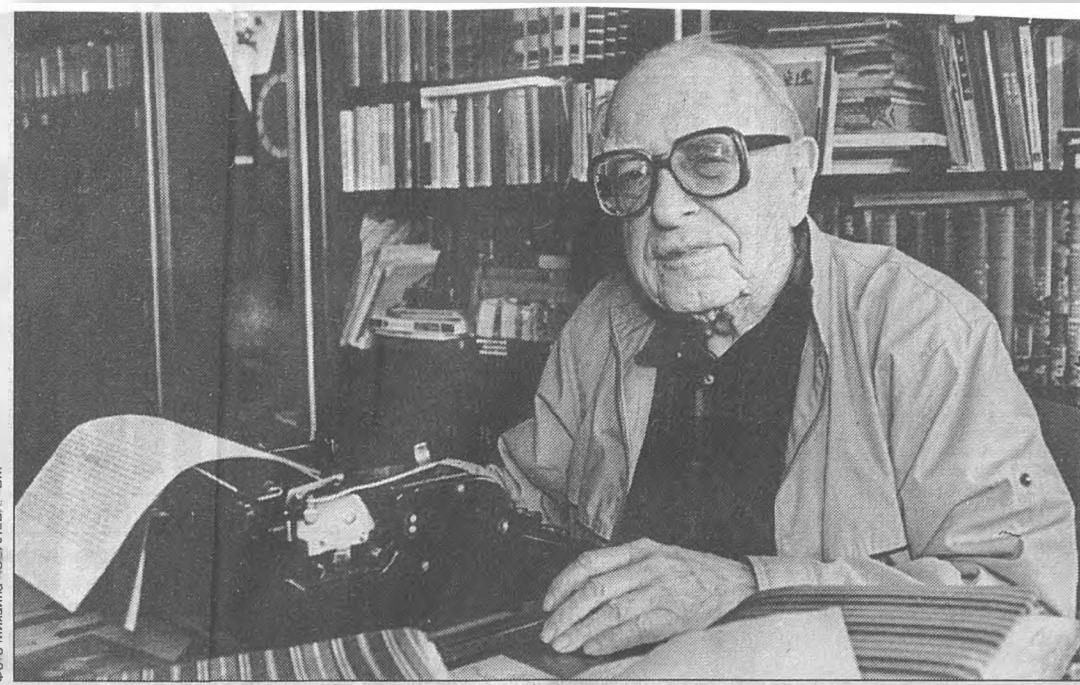
— Борис Ефимович, я вижу на вашем рабочем столе кисточки, первые руки, тушь. Вы продолжаете работать?

— Продолжаю, но уже не рисую — не позволяет зрение. А мемуары диктую своему внуку. Надиктовал две книги, вышедшие в Ленинграде и в Москве.

— Меня интересует в первую очередь работа Михаила Ефимо-

тем, что печатал многое такое, что Сталину не нравилось. Его отношение к Кольцову было двойственным: с одной стороны, он питал к нему злобу, и при его, Сталина, злопамятстве он был обречен. Дело было в 1924 году, уже после смерти Ленина. Как-то брат говорит мне: «Меня вызывал Сталин». Хотя он уже тогда был Генеральным секретарем ЦК, его ма-ло кто знал и имя его не внушило та-

зрения Троцкого, не заслуживает. Может себе представить реакцию Сталина на публикацию фотографий Троцкого! Сталин занес Кольцова в свой феноменальный компьютер. Коба придерживался восточного правила: блюдо мести должно подаваться холодным. Он ждал годами, как это было с Тухачевским, с которым расправился через 17 лет после поражения наших войск под Варшавой. Расправа с Пильняком: через 15 лет после опубликования «Повести непогашенной луны» был расстрелян как японский шпион. Кольцов был обречен с 1924 года. С другой стороны, вождь ценил его как великого организатора. Ему поручено было провести два международных конгресса деятелей культуры, что Кольцов блестяще осуществил. Но меня бесит, когда его пытаются изобразить, как это сделал Эренбург, каким-то приспешником, угодником Сталина. Наоборот! Если бы он был приспешником и угодником, он бы остался жив, как Эренбург. Эренбург не лез ни в политические, ни в международные дела, он писал себе и писал. Если бы таким же был и Кольцов, он бы не погиб. И после этого пытаются очернить Кольцова, тот же Эренбург!

Борис Ефимов. По старинке — на машинке...

стом он обязан Сталину. У меня сохранилась газета с этим панегириком Ильи Григорьевича. Он был, с другой стороны, очень осторожен, не лез куда не следует. А Кольцов — лез. Кто его просил стать политическим советником республиканцев в Испании? Его туда послали корреспондентом «Правды». Но он не только писал — он воевал. С пистолетом в руках штурмовал крепость Толедо. Скажите, пожалуйста, Эренбург позволил бы себе такое?

— Сохранились воспоминания современников, что Эренбург был человеком не робкого десятка, по крайней мере во время Великой Отечественной войны. Когда он выезжал на фронт, к нему приставляли специального человека, который бы следил, чтобы Эренбург не лез под пули, как он это часто делал.

— Продолжу о Кольцове. Он попал в обойму виновных в поражении республиканцев в Испании. И все-таки Сталин его не трогал. На Кольцова приспал донес Андре Марти. Вы читали «По ком звонят колокол» Хемингуэя? Там есть русский журналист Карков, приехавший от «Правды», — в нем легко угадывается Кольцов. В романе есть такая фраза: «Марти не любил Каркова, но тот, приехавший от «Правды» и непосредственно сносишись со Сталиным, был тогда одной из самых значительных фигур в Испании». Это пишет Хемингуэй! Ничего подобного об Эренбурге написано не было.

— Ну хорошо, а вопрос Сталина, обращенный к Кольцову: «У вас есть пистолет? Не вздумайте застрелиться!». Как вы его прокомментируете?

— Вы не совсем точно воспроизведите. Диалог был такой:

— У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?

— Есть, товарищ Сталин.

— А вы не собираетесь из него застрелиться?

— Конечно, нет, товарищ Сталин. Даже в мыслях не имею.

Мне этот разговор в тот же вечер пересказал брат. Он всегда со мной делился. Вопросы Сталина и ответы Кольцова длились около трех часов. Это был доклад Кольцова об Испании. Присутствовали Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов. На один из вопросов Кольцов ответил не сразу, задумался, замешкался. Сталин, прохаживаясь по кабинету, остановился и спросил:

— Что это вы, товарищ Кольцов, замолчали? Что вы смотрите на товарища Ежова? Вы не бойтесь товарища Ежова! Вы рассказываете все как есть. Кольцов отвечает:

— Товарищ Сталин, я не боюсь Николая Ивановича, я просто думал, как обстоятельнее, точнее ответить на ваш вопрос.

Сталин подозрительно посмотрел на Кольцова и сказал:

— Хорошо, отвечайте не торопясь, и опять принесите расхаживать по кабинету.

Брат всегда рассказывал мне все со всеми подробностями. Когда вопросы-ответы кончились, Сталин неожиданно стал кривляться. Подошел к Кольцову, тот хотел встать, Сталин остановил его:

— Сидите, сидите.

Потом приложил руку к сердцу:

— Как вас величают по-испански?

Мигуэль, товарищ Сталин.

— Так вот, дон Мигель. Ми, благородные испанцы, благодарим вас за ваш отличный доклад. Большое спасибо вам, товарищ Мигель.

Кольцов произнес что-то вроде «Служу Советскому Союзу» и пошел к двери. И вот тут-то Сталин спросил насчет револьвера и желания Кольцова застреляться.

На другое утро позвонил Ворошилов: «Вчера вы, Михаил... — Ворошилов забывал отчество Кольцова, — Ефимович, делали доклад. Так вот, я хочу вам сказать, что вас ценят, вас любят, вам доверяют». Это был 37-й год, до ареста оставалось целых полтора года. Сталин не торопился, он считал, что Кольцов никуда от него не уйдет. Но главное в том: когда брат рассказал мне о встрече в Кремле и звонке Ворошилова, я говорю: «Ну, мышонок, — так я его называл, — по-моему, это очень приятно». «Да, приятно, — отвечает брат. — Но ты знаешь, что я совершил отчетливо прочел в глазах хозяина? «Слишком

— Мне стало плохо. Жена отпала меня валериановыми каплями, которых я сроду не пил. Это был шок, удар. А потом я понял, что мне надо тоже готовиться. Почему меня не взяли в ту же ночь, зная, как я связан с Кользовым? Значит, меня арестуют в ближайшую ночь. Я стал к этому готовиться. Относился к аресту трезво, практически, понимая, что от этого никуда не уйдешь. Самое страшное в этом была необходимость сообщить об аресте брата родителям. Отец лежал в больнице, я приехал к маме и говорю: «Ты знаешь, мама, я очень беспокоюсь за Мишу. Его вызывали в одно учреждение, как бы не было неприятностей...». Я решил не говорить, что случилось, а подготовить ее к удару.

Но меня не оставляла мысль, что вот-вот придет за мной. Но арестовывали, как правило, часа в два ночи. Я решил: хотя бы на день отсрочки арест, ночевать домой не приду. Всю ночь гулял по улицам, под утро позвонил жене, узнал, что все спокойно, вернулся. И так — несколько дней. Я понимал, что случайности здесь быть не может. Потом, много лет спустя, я узнал, что дело на меня было заведено, но когда Сталину доложили, он сказал: «На трогать!».

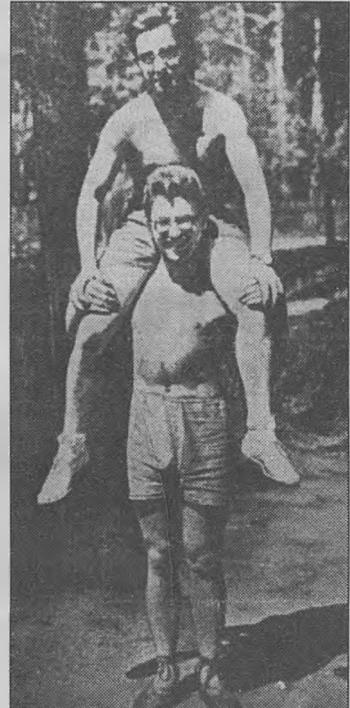
— Вы в тому времени достаточно много успели нарисовать?

— Пожалуй, так. Он меня знал, по отдельным карикатурам делал замечания. Видимо, ему мои карикатуры нравились, и он как хозяин — а его хозяйством была вся страна — решил, что хороший карикатурист ему пригодится. Были Кукрыники и был я, больше он никого не знал. Меня не тронули, и вот я перед вами сижу. Он был непредсказуем — не любил делать того, что от него ждут.

— Сталин любил такие острые ситуации с братьями: Кольцова убил, вас не тронул, Николая Ивановича Вавилова сгноил в тюрьме, Сергея Ивановича назначил президентом Академии наук. Михаил Ефимович погиб в 1940 году. Что происходило с момента ареста до дня гибели?

— Тринадцать месяцев брата пытали, мучили, потом расстреляли. 12 июня исполняется 100 лет со дня его рождения.

— Сего дня с 16.00 в книжном магазине «Библио-Глобус» на Мясницкой проходит презентация книги Бориса Ефимова «Мой век».

«Мы с братом были очень близки...»

— Я не сказал бы, Борис Ефимович, что это очернение...

— Нет, это было именно очернение. Книга Эренбурга печаталась в «Новом мире» Твардовского. Там работала моя знакомая, соседка по дому. И она мне говорит как-то: «У нас идет последняя глава книги Эренбурга, в которой сказано, что Кольцов во всем угодил Сталину». Я забеспокоился: «Огонек» — массовый журнал, и мы считали своей обязанностью давать очерки о наших, так сказать, руководителях, вождях. Опубликовали «День Калинина», дали очерк «День Рыбака» и вот теперь «День Троцкого». А недавно напечатали фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

Положение осложнилось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похоронах он, Троцкий, не успевает. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посыпал туда фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учите в дальнейшей работе! Всего хорошего».

</div